

Вступление

Вечером соседи по каюте устроили беседу на всевозможные темы.

Акито, беспокоившийся о своем здоровье, уже через день начал отходить от температуры и сейчас, лежа в постели, спокойно принимал участие в разговоре. Что касается меня, я время от времени вставлял одно-два слова, но по большей части безучастно наблюдал со стороны с телефоном в руках.

Пока я сидел в интернете в ожидании сонливости, на мой телефон пришло сообщение.

[Кей: Я хочу немного поговорить с тобой по телефону, хорошо?]

Мы уже давно могли переписываться, но обычно говорили где-то раз в день.

Сегодня она отправила мне сообщение без смайликов и стикеров, что намекало на серьезный разговор.

[Аянокоджи: Я в своей каюте, дай мне три минуты.]

Комендантский час еще не наступил, поэтому можно было легко покинуть каюту.

Отправив свой ответ, я быстро вскочил с кровати.

— Пойду, куплю себе чего-нибудь попить, — я использовал удобный предлог, который срабатывает всегда, и вышел в коридор.

На часах уже почти девять вечера, и рядом с собой я не увидел проходящих учеников.

Из коридора я вышел на ночную палубу и внимательно осмотрелся по сторонам. Убедившись, что вокруг меня никого нет, я позвонил Кей.

— Алло?

— Прости за внезапность, но я очень хотела позвонить тебе сегодня, — мило проговорила Кей.

Это та самая просьба второй половинки: «Мне захотелось услышать твой голос»?

— Знаешь... — начал было я, но тут меня перебила Кей.

— До меня дошли дурные слухи о тебе. Не желаешь объясниться?

— Дурные слухи?

Хм? Совсем не это я ожидал услышать, и, судя по всему, Кей сейчас была в плохом настроении.

Молчание затянулось, и я так и не услышал ответа.

— Дурные слухи?

Не в силах вынести этого, я вновь переспросил, но вместо ответа ощутил разочарование по ту сторону телефона.

Наверное, она отнеслась с подозрением на мой вопрос, который я повторил слово в слово.

— Так чего, может, что-то все-таки на ум приходит, нет?

— Ничего такого я не могу вспомнить, — ответил я без колебаний, но на самом деле несколько причин крутилось в моей голове.

Главной из них была Ичиносе.

Нагумо видел меня с ней, и мог предположить, что ситуация вокруг нас необычна.

Более того, он знал о наших с Кей отношениях, поэтому нет ничего странного, если дело именно в этом.

Еще одной причиной могло стать мое объединение в пару с Сато, которая однажды призналась мне в любви. А где-то на задворках я припомнил разговор с Мацушидой.

— Неужели прямо совсем ничего в голову не приходит? — спросила меня Кей, выждав немного времени.

Она будто хотела последний раз убедиться, прежде чем объявить мне приговор.

— Нет.

Тем не менее я снова ответил так, давая понять, что понятия не имею, о чем она. Я бы искренне сознался про Ичиносе или Сато, если бы был уверен, что кто-то из них является «той самой причиной, что должна прийти мне в голову». Скажи я сейчас лишнее, и тогда могу

непреднамеренно разворошить рану, – тогда нужно избежать какой-либо конкретики. Я должен проиграть эту битву, чтобы выиграть войну.

...Почему только вместо приятной беседы по телефону выходит вот такая сцена?

— Кей? — я обратился к ней по имени, словно побуждая продолжить.

Наконец, дрожащими губами она объяснилась:

— Ходят слухи, что ты забавляешься с кохаем!

— ...А?

Я хоть и уловил суть слуха, но особой ясности это не внесло, – я наклонил голову набок.

Все мои предположения оказались неверными.

Как и ожидалось, я правильно поступил, когда решил не ляпать, что попало.

— Откуда ты услышала такой слух?

— Не знаю! Но я слышала, как ты неоднократно встречался с какой-то девушкой-первогодкой!

Девушка-первогодка. Под это определение подходила только Нанасе...

Действительно, во время этих каникул я много раз натыкался на нее и перебрасывался парой слов.

Я и не пытался скрыть наши встречи, поэтому неудивительно, что нас видели.

Впрочем, разобрался с ситуацией я достаточно быстро.

— Она просто кохай.

— И без тебя знаю! Еще бы, была бы она не просто кохаем!

Именно.

— И еще! Я чего-то не услышала от тебя, что ты объединился в пару с Сато-сан в этой «Охоте

за сокровищами»!

Хм, она озвучила одну из причин, которая ранее пришла мне на ум.

— Я и правда не говорил тебе об этом – но теперь вроде ты знаешь, так, Кей?

Во время «Охоты за сокровищами» вокруг нас с Сато было множество свидетелей, и об этом было известно еще Мацушите.

— З-знаю, да... Я все понимаю, но все же.

Судя по всему, Кей решила выговориться и начала выплескивать недовольство ворчащим, недовольным голосом:

— Мне вообще-то очень хотелось объединиться в пару с тобой, Киётака.

— Я понимаю твои чувства, но тогда бы это спутало весь порядок, понимаешь?

— Бу-у-у.

— Кстати, как ваши результаты совместной работы с Мори?

— ...Тебе сейчас только это интересно узнать?

— Нет, ладно.

Атмосфера ухудшилась, поэтому не стоит усугублять ее дальше. Я мог продолжать выслушивать жалобы Кей, но раз речь зашла о Сато, решил развить тему дальше.

— Так что, ты рассказала Сато о будущем событии?

— А? А-ах, да. Мне хотелось сперва ей раскрыться.

— Что ж, наверное, ты поступила правильно. А ты поведала ей обо всем по телефону или, может, сообщением?

— Еще чего. О таком говорят при встрече лично. Я призналась в кафе.

— В кафе? Ты не помнишь, кто-то мог вас подслушать?

— Я постаралась быть осторожной. По крайней мере, никто из второкурсников не мог услышать нас, поэтому можешь расслабиться.

Что и следовало ожидать, больше всего Кей беспокоилась о второкурсниках.

Ведь первокурсники и третьекурсы не должны проявлять интерес к любовным историям учеников другой параллели. Особенно, если объектом обсуждений являюсь я.

Но вот с третьекурсками дела шли иначе. Услышав обо мне в разговоре, совсем неудивительно, если они тут же проявили интерес.

— О-ох, на самом деле мне стало немного неуютно, когда к соседнему столику подвели девушки с третьего года, — добавила Кей, вспоминая свою встречу с Сато.

Кей ничего не знала о происходящем, поэтому не могла ожидать, что обратит на себя внимание третьекурсов.

— Если она все поняла, тогда хорошо.

— Угу, хорошо - но с этим точно все нормально? Я про то, что мы раскрываем наши отношения.

— Конечно, никаких проблем.

И так понятно, что рано или поздно нам пришлось бы предпринять необходимые шаги.

Чем сильнее пытаешься удержаться, тем с большими неприятностями придется столкнуться.

— Ну, насчет «раскрытия» - это ведь не значит, что нужно рассказывать о нас перед всем классом. Можно сначала поведать друзьям, а от них уже естественным образом информация будет распространяться дальше, пока об этом не узнают все - пусть и в разное время.

В будущем мы обязательно столкнемся с реакцией, но она не должна стать большой проблемой.

— Но знаешь... Киётака, ты пользуешься популярностью.

— Правда?

— Ух, твое непонимание в таких делах меня раздражает.

— Тогда, может, тебе не стоило упоминать об этом?

— Э-э, да, но я-то все понимаю – и поэтому волнуюсь и спрашиваю тебя!

Не то чтобы я совсем не понимал ее посылы, но для меня ее слова звучали противоречиво.

— Мне казалось, наше объявление как раз избавит нас от ненужных терзаний, разве нет?

Пока остальные думают, что у человека, который им нравится, нет второй половинки, с ним могут жестоко расправиться. Во избежание этого необходимо предать огласке факт ваших отношений.

После этого в большинстве случаев люди сдаются и перестают нападать.

Разумеется, я понимал, что во всем бывают исключения...

— Я переживаю...

Именно в этих исключениях Кей видела невидимых врагов и боялась их.

— Ты, может, и не знаешь об этом, но она из тех особ, что влюбляются в уже занятых парней и пытаются увести его.

— Понятно.

— Точно? Я никогда не прощу твою измену.

Кей, как зависимая личность, ни за что не простит своему парню измену.

Я знал это еще до начала наших отношений.

— Успокойся, я никогда так не поступлю.

— Правда?

— Правда.

— Правда-преправда?

— Правда.

Мы несколько раз повторили ничего не значащие слова.

Но даже этот, казалось, бессвязный разговор считался прямым выражением привязанности в любовных отношениях.

— Ты меня... любишь?

На всякий случай я огляделся по сторонам.

Разумеется, что в такое время суток ни одному ученику не пришло бы в голову выйти на темную палубу.

— Ага, люблю, — без колебаний произнес я, убедившись ранее в отсутствие посторонних.

— ...Мфу-фу-фу.

— Что за жуткий смех?

Я ожидал проявления радости или хотя бы похожего ответа, но совсем не предполагал, что в ответ она просто рассмеется.

— Да так, меня просто позабавила мысль, что ты произнес эти слова, беспокойно озираясь по сторонам.

Похоже, Кей была способна видеть насквозь мои действия.

— Я отключаюсь.

— Ах, подожди, подожди. Скажи еще раз.

— М-м-м.

А вот когда Кей попросила еще раз повторить слова про любовь, они застряли у меня в горле.

— Я сказал всем, что собираюсь сходить и купить себе чего-нибудь выпить. Мне пора возвращаться.

— Стоять! Скажи еще раз, что любишь меня!

— Уже говорил - немногим ранее.

— Хочу еще раз это услышать!

Эгоистично получается. Хотя слова остаются теми же, а вот их значимость может измениться.

— ...Люблю тебя.

— ...Пфу-у.

— Эй.

Кей, кажется, пыталась сдержать смех, но тщетно - он просочился наружу.

— Хорошо, как я и думала, ты самый лучший... Я никогда не отдам тебя другой девушке.

Совсем недавно я сказал, что нет поводов для беспокойства, но, похоже, все вышло ровно наоборот.

— Ты сам не хочешь попросить меня сказать то же самое?

— А ты скажешь?

— Кто знает.

— Что ж, тогда до завтра.

— Стоять! Вообще-то сейчас твоя очередь просить меня!

Кажется, она предоставила мне выбор без выбора.

— Тогда скажи мне.

— Сказал как отрезал! Тебе будто безразлично! Мне такое совсем ненра-а-авится.

— ...Пожалуйста, скажи мне.

— А-а? И что же мне сказа-а-ать?

Я сдержался и ничего не ответил, ожидая ее слов.

— ...Люблю тебя, — с коротким смешком и немного смущаясь, произнесла Кей. — Спокойной ночи, Киётака.

— Ага, спокойной ночи.

Когда я повесил трубку, слова о любви Кей эхом отдавались в ушах.

— Неплохо.

Любовь и правда интересна.

Так я думал этой ночью.

Часть 1

Наступило девятое августа; борт судна.

После часа ночи, когда большинство учеников видели сны, трое учителей встретились в лаунж-баре, доступным только для взрослых.

— А-ах, я так устала. Почему нам, учителям, каждый день приходится работать допоздна? Моя кожа так потускнеет. Нам тоже нужны эти кани-и-и-икулы, — пожаловалась Хошиномия, лежа лицом вниз на барной стойке.

— Ты уже отдохнула - у тебя пятого и шестого был выходной.

— Куда там, это же всего два денечка? Вчера вот и сегодня я трудилась не покладая рук. Откуда взялась эта бонусная игра «Охота за сокровищами»? Я тоже хочу получить свой бонус.

— Я понимаю, каково тебе, но мы взрослые, работающие люди. Нет у нас долгих, летних каникул ребятни, — напомнила Чабашира, сидящая через сидение по правую сторону от Хошиномии.

— Это все лирика. Достаточно вспомнить усердные старания учеников, выживавших две недели на необитаемом острове, — твердо заявил Машима, сидящий сразу справа от Хошиномии.

— Не навязывай мне свою реальность ... Не желаю про нее слышать, не хочу! — с отвращением помотала головой Хошиномия, зажав обеими руками уши. — Дайте мне отпуск хотя бы здесь на судне. Что за несправедливость, почему ученикам можно пользоваться бассейном и кинотеатрам, а нам нельзя-я?

Хошиномия осталась неудовлетворенной, наблюдая за весельем изо дня в день.

— Такова наша работа.

— Когда становишься взрослым человеком, такое в порядке вещей, Чиэ.

— Нет, не-ет, не-е-ет, отказываюсь, не хочу быть трудоголиком! — проговорила Хошиномия, еще сильнее прижав ладони к ушам.

Но почти сразу она разжала уши и, подняв правую ладонь вверх, прокричала:

— Мне, пожалуйста, самый крепкий коктейль, который поможет сбежать от реальности. Полагаюсь на ваш выбор.

Хошиномия хлопнула левой ладонью по барной стойке, заказывая новую порцию алкоголя.

— Совсем... не собираешься меняться, — проговорила со вздохом Чабашира, будто поведение Хошиномии ее огорчило.

— Разве не к этому должна стремиться мечтающая о вечной молодости и красоте - то есть я?

— Я не это имела в виду.

— А что-о?

— ...Просто забудь. Тебе бесполезно что-то объяснять.

Чуть позже Машима и Чабашира заказали по пиву. Когда у всех оказалось по напитку, они подняли бокалы для тоста.

— Только вот на экзамене произошло слишком много неприятного и незапланированного.

— Да уж, серьезные травмы учащихся; часы, сломанные нарочно для того, чтобы делать все, что только душе угодно; а потом и вовсе неожиданный казус - исключены были только ученики с третьего года, — проговорила Хошиномия.

Она осушила коктейль и перевела дух.

— Неправильно это – предоставлять им так много свободы. Уверена – хотя об этом и не сообщалась, – вдали от людских взглядов в укромных местечках случалось там всякое между парнишками и девчонками.

— По крайней мере мне хочется верить, что в этом уж смысле мы смогли обеспечить защиту.

— Машима-кун, наивный ты наш. Как не организовывай наблюдение, ну не остановит оно страсть детишек.

— Так думаешь только ты.

Новым хлопком по барной стойке Хошиномия потребовала повторить коктейль.

— После летних каникул у нас снова будет прорва работы.

— Э-э-э, я больше не могу. Учителей с низкой зарплатой всегда эксплуатируют. Мы как расходный материал – просто ненужный расходник.

— Ты уже сетовала на это.

— Так а я что, неправа? Я устроилась сюда не для того, чтобы жаловаться, — без тени раскаяния заявила Хошиномия и потянулась ко второму коктейлю.

— Ты нисколько не изменилась, Чиз. В этом есть даже что-то хорошее.

В качестве легкой закуски Чабашира заказала орешки.

— Как бы то ни было, все-таки какое облегчение, что экзамен на необитаемом острове успешно сдали все со второго года.

— Ой, а жутко-то как было – когда так странно вылетели только третьегодки.

Зажатый меж Хошиномией и Чабаширой, Машима предпочитал безучастно слушать. Однако стоило теме смениться, как он тут же поставил на барную стойку недопитый наполовину бокал с пивом.

— Ученики второго года обучения демонстрируют отличные результаты, но, возможно, это послужит причиной возникновения новых проблем.

— Что плохого в усердной учебе?

— Я не имею в виду, что школа намеренно желает исключения учеников, но за все прошедшие проведенные специальные экзамены практически никто из нынешних учеников второго года не выбыл.

— Практически, да? Но все равно в итоге учеников в обязательном порядке заставили выбирать товарищей, которым следует покинуть школу. Впрочем, исключение есть исключение, не так ли?

Все трое отчетливо помнили о классном голосовании.

— Хочется верить, что больше не предвидится таких специальных экзаменов, что загоняют учащихся в тупик.

Дело совсем не в израненном сердце Чабашеры, которая предпочитала выстраивать с учениками определенную дистанцию. Она просто не могла согласиться с тем, как совершенно неповинных учащихся намеренно притесняют.

В этом она оставалась солидарна с Хошиномией – а вот лицо Машимы, напротив, было невозмутимым.

Наблюдая за ним, Чабашера заглянула в его глаза.

— Предполагаешь, что будет еще какой специальный экзамен с обязательным исключением?

— Школа не сможет больше продвинуть экзамен вроде прошлогоднего классного голосования.

— Тогда все в порядке. Мой класс уцелеет, покуда не будет этих мероприятий с обязательным исключением учеников из школы.

— Ой-ой? И это говорит наша Сае-чан?

Перегнувшись через спину Машимы, Хошиномия ткнула Чабашеру в бок.

— Прекрати.

Чабашера схватила за руку Хошиномию, на что та стрельнула в нее острым взглядом.

— Ты же не думаешь, что твои ученики способны подняться до класса А?

— ...Ничего такого я не говорила. Просто нынешние ученики по большей части лучше, чем были в прошлые года.

— Хм?

В накаленной атмосфере Машима залпом допил оставшееся пиво в бокале.

— Несомненно, обязательные исключения учеников больше не повторятся, да вот...

Стоило ему заговорить, как Чабашира с Хошиномией тут же перевели на него взгляд.

— На днях школа объявила о намерении провести специальный экзамен одиннадцатилетней давности.

— Одиннадцатилетней... В этом году нам исполнилось двадцать девять... То есть ты говоришь о тех временах, когда еще мы учились на третьем году в Кодо Икусей? Необычно, что школа собирается проверить один из старых экзаменов.

Воспоминания о школьных днях, многие из которых затерялись в глубинах памяти: «О чем тогда они общались и какие специальные экзамены сдавали?» Если попросить припомнить об этом, вряд ли кто-то сможет сказать что-то внятное.

— Школа готовит годичное расписание специальных экзаменов. Если вдаваться в подробности, в основу расписания входит четырехлетняя ротация. Вы ведь и сами понимаете, зачем это сделано?

— Чтобы только что зачисленные дети не узнали содержание специальных экзаменов во время учебы в школе, да?

На протяжении всей истории школа Кодо Икусей проводила ряд различных специальных экзаменов: какие-то проводились лишь раз, другие выделялись высоким уровнем универсальности и входили в состав четырехлетней перестановки.

— Разумеется, можно повторить один и тот же экзамен за небольшой промежуток времени с целью обмена информацией, но основу всегда составляет заранее установленная ротация. Однако иногда, в зависимости от ситуации на параллели, могут ввести специальные экзамены вне этой четырехлетней установки.

— Так ты считаешь, что нет ничего необычного, если проведут старый специальный экзамен?

— Да, если, конечно, этот специальный экзамен не станет источником множества «проблем».

Другие два учителя не особо восприняли слова Машимы.

Скорее, они просто подготовили себя к скорому началу нового специального экзамена.

— Может, нам даже придется сразиться с классом Саечки-чан.

— Ты, я смотрю, сильно этого ждешь. Но думаешь, сможешь победить нас?

— Нет, не думаю. Но так всяко лучше, чем противостояние Рьюен-куну или Сакаянаги-сан, не так ли? — ухмыльнулась Хошиномия, выдыхая алкогольные пары.

— Мой класс сильно вырос. Не жди легкой победы.

— Пра-а-авда? Не могу поверить, Сае-чан, что ты говоришь подобное. Ты стала такой агрессивной, потому что Аянокоджи-кун одаренный ребенок?

— Да, Аянокоджи талантлив. Но в моем классе много кто может похвастаться хорошим потенциалом.

— О? Разве ты не полагаешься только на Аянокоджи-куна, Сае-чан?

— С чего ты взяла, что я полагаюсь только на него?

Казалось, они равнодушно перекидывались вопросами, но вот для Машимы, сидевшему посередине, было все иначе – он словно очутился промеж двух огней.

Если бы он продолжил безучастно слушать их, то уже через пару минут тут вспыхнул бы настоящий конфликт.

— Оставьте свои споры. Сейчас не время соревноваться.

— Ты прав, наверное, я немного погорячилась, — выразила сожаление Хошиномия и влила в себя все содержимое стакана.

— Ты слишком быстро его выпила.

— Все под контролем, под контролем. Не настолько ж я слаба, чтобы от этого откинуться.

— Я не про это, но завтра... а уже, точнее, сегодня это может сказаться на твоей работе.

— Все будет хорошо. Ничего на меня не повлияет, — проговорила Хошиномия и, не собираясь останавливаться, попросила в третий раз повторить коктейль.

— ...Тогда нам нужно поговорить прежде, чем ты напьешься. Вот, взгляните на план проведения следующего специального экзамена. — Машима взял телефон и положил его на стойку. — Самое важное здесь – название специального экзамена. Вы все поймете, как только прочитаете его.

— Название экзамена?

— Прочтите.

Двое учителей переглянулись между собой и одновременно посмотрели на экран телефона.

И стоило только прочесть его, как у Чабаширы и Хошиномии перехватило дыхание.

Они обе прошли через этот специальный экзамен, будучи еще ученицами.

И теперь им точно известно, что его решили снова организовать в начале второго семестра.

— Даже спустя одиннадцать лет... воспоминания об этом давнем экзамене все еще свежи.

Чабашира, снова и снова перечитывая название предстоящего специального экзамена, не могла вымолвить ни слова.

Хошиномия же отвернулась от экрана телефона и взяла в руки третий бокал. Взглянув на отражение лица в нем, она уничижительно ухмыльнулась.

— Никогда не стала бы предполагать, что его решат повторить...

Чабашире нечем было ответить. Она по-прежнему держала взгляд опущенным.

— Теперь я поняла. Получается, прошлогоднее классное голосование... было его заменой?

Хошиномия посмотрела на Машиму, словно ждала подтверждения.

— Так получилось, что у школы не имелось другого выбора кроме как использовать его аналогичным образом. Если бы кто-то из учеников второго года обучения покинул школу после экзамена на необитаемом острове, следующий специальный экзамен должен был стать другим.

— Ну, ничего не поделать. Нельзя же усложнить письменные экзамены еще сильнее, чтобы заставить учеников покинуть школу. Саечка-чан, говоришь, твой класс теперь невероятно хорош? Тогда этот специальный экзамен не станет для них большой проблемой, — намеренно акцентировала Хошиномия, словно придираясь.

— Слишком рано говорить о большой проблеме в принципе. Если правильно подойти к экзамену, он может оказаться достаточно простым.

— Но одна ошибка – и вот она, большая проблема. Я ведь права, Сае-чан?

Чабашира не ответила ни да, ни нет, а лишь прикрыла глаза.

— Точно... Именно вас двоих сильно потрепал тот специальный экзамен.

— Я помню наш третий семестр третьего года обучения. Никогда не забуду тот день, — проговорила в пустоту Чабашира, словно ностальгируя о прошлом.

— И? Как долго молчать собираешься? Может, добавишь еще что-нибудь?

Даже когда ее спросили напрямую, Чабашира не могла вымолвить ни слова, ведь в ее голове творился хаос.

— Жалко, — коротко пожаловалась Хошиномия.

Она решила проигнорировать молчавшую Чабаширу и перевела взгляд на Машиму.

— А ты что думаешь, Машима-кун? В следующем специальном экзамене... нам следует ждать новых исключений из школы?

— Класс А на голову выше остальных, но классы В и ниже имеют все шансы изменить текущую ситуацию. Если их целью станет победа, то велика вероятность повторения пути, через который когда-то прошли вы.

— Предчувствие наихудшего... да? — пробормотала Хошиномия и попросила бармена четвертый раз повторить коктейль.

Ее скорость употребления алкоголя быстро увеличивалась.

— Ну, как мне кажется, мой класс идет своим чередом – в плохом смысле, – но что насчет класса Сае-чан? Они выбираются со дна с мощным импульсом. Если они приумножат свои классные очки, то могут сразу подняться до класса В. А мне...

— Я пошла к себе в каюту.

Чабашира, долгое время хранившая молчание, резко поднялась на ноги. Она даже не допила свой первый бокал пива.

— Только я подумала, что ты наконец-то решила поговорить, а теперь берешь и уходишь.

— Прости, но вас и двоих хватит.

Стоило Чабашире повернуться к ней спиной, как игривое выражение на лице Хошиномии быстро исчезло.

— Знаешь, что?!

Хошиномия резко поставила бокал на стойку с громким стуком.

А после живо встала.

Не только Чабашира, но и Машима поразились ее поступку. С легким волнением, они молча ждали, что произойдет дальше.

К счастью, в лаунж-баре была только их троица.

— Как долго еще ты собираешься гоняться за мимолетной любовью?!

— ...Не понимаю, о чем ты.

— Ты в курсе, сколько нам сейчас? Двадцать девять? И сколько же лет прошло с того романа?

— Эй, по-моему, ты выпила слишком много...

— Заткнись, Машима-кун!

— ...

Бармен, протирающий бокалы неподалеку, почувствовал неладное, и с извинениями решил отойти в уборную.

— Мы уже повзрослели, а ты все по-прежнему застряла на третьем году школы. И сейчас

своевольно пытаешься взвалить груз на... детей? Это глупо, не находишь?

Чабашира молча покинула бар, не потрудившись ответить даже на серию оскорблений.

Затем между Хошиномией и Машимой, оставшихся наедине, воцарилась тишина.

— Ну вот, она ушла, — разочарованно протянула Хошиномия.

Она взяла недопитый бокал Чабаширы и села обратно за стойку.

— Ты жестоко с ней обошлась, Хошиномия.

— Ничего не могу поделать с этим. Грядет худший специальный экзамен из сдаваемых.

— Именно тот специальный экзамен, что поставил точку в ваших отношениях.

— Ты хоть понимаешь, что, если бы Сае-чан выбрала правильный ответ, мы могли выпуститься из класса А?

— ...Ты все еще держишь обиду на нее?

— Еще бы, и на то у меня есть все права. Я провалилась и стала учителем в этой школе. А ведь меня ждали великолепные перспективы в ослепительном мире.

— После того экзамена ваше совместное проживание на порядок усложнилось – вы ведь делили одну комнату.

— А после такого и невозможно ужиться. Мы готовы были перебить друг друга.

— Самое страшное, что я не могу точно сказать... преувеличиваешь ты или нет.

Хошиномия вцепилась в прядь волос и выдернула ее.

— Мне казалось, ты избавилась от этой привычки?

— Ох, прости. Я сделала это неосознанно... Хочешь... моих драгоценных волос?

— Обойдусь, — отказался Машима от предложенной пряди и попросил повторить пиво у только что вернувшегося бармена.

Хошиномия решила последовать его примеру и заказала уже пятый коктейль.

— Делить одну комнату с кем-то не лучшая затея. Пока дела идут хорошо – все в порядке, но стоит только появиться проблемам, как отношения резко меняются. Особенно когда речь заходит о любви и перспективах в будущем.

Машима не успел опомниться, как на лице Хошиномии вернулось привычное игривое выражение.

— Все второгодки уцелели после экзамена на необитаемом острове, а школа так жестоко с ними поступает.

— Политика школы изначально предполагала исключение нескольких учеников ежегодно. На втором году осталось слишком много ребят. Но школа признала их усердный труд, поэтому и решила вновь использовать тот специальный экзамен. Еще неизвестно, к каким результатам он приведет.

— Ты прав, но... этот экзамен проявляет в людях уродство и слабости. К их счастью, первый семестр второго года им удалось закончить. О, и из-за этого школа их и признала.

— Чем короче остается школьная жизнь, тем ценнее становятся классные очки и сложнее специальные экзамены. Хотя, по сравнению с вами в третьем семестре третьего года обучения, я испытываю некоторое облегчение.

— Не я здесь виновата... Плохо поступила именно Сае-чан...

— Это зависит от того, как посмотреть. И ты, и Чабашира поступили правильно.

— Кто знает...

Внезапно рука Хошиномии замерла на полпути к новой порции коктейля.

— Что такое?

— Моим ... не удастся подняться до класса А.

— С чего ты взяла?

— Просто знаю. Я почти уверена, что им не получится подняться до класса Сакаянаги-сан. Но даже так... Я не позволю ученикам Сае-чан выпуститься из класса А. Это было наше давнее желание. Но та, кто разрушила все мечты, не имеет права заикаться про выпуск из этого

класса. Верно я говорю, Машима-кун?

— ...Разве это не совсем другая ситуация?

— Нет. Абсолютно нет.

— Но ведь класс Ичиносе замечательный. Они еще не потеряли возможность попасть в класс А. Вполне возможно, что именно этот класс легко справится со следующим специальным экзаменом.

— Ничего не выйдет. Каким бы ужасным не казалось грядущее будущее, чтобы одолеть класс А, необходимо стать настоящим монстром. Как я пыталась в свое время.

— Даже если появится угроза исключения из школы?

— Даже если появится угроза исключения из школы.

Ему осталось только тяжело вздохнуть.

— Хирата, Кушида, Хорикита, Коенджи, Аянокоджи... что бы ты о них не подумал, они те еще хитрецы.

— В каждом классе предостаточно проблемных детей, но между тем существует таинственное чувство солидарности. Как будто каждый изъян устраняется другим.

— Я очень надеюсь, что следующий экзамен положит конец этому, — произнесла Хошиномия, уронив голову на плечо Машимы. — Кажется, я перепила... Мне нужно покемарить в твоей каюте, Машима-кун.

— Хочется покемарить – ложись в своей каюте.

— Грубиян. Не мог выбрать более деликатные слова?

— Если тебе так хочется лечь спать, лучше иди в свою каюту.

— Ничего не поменялось!

Хошиномия попыталась придвинуться к нему ближе, чтобы обнять его большую левую руку, но Машима насильно оторвал ее от себя.

— Тебе это неприятно?

— Неприятно.

— У-у, тогда хоть сопроводи в мою каю-юту. Попьем там вместе, может? До утра?

— Прости, но я возвращаюсь к себе. Не пей слишком много.

— Ты не видишь шанс на миллион?

— Извини, но я не собираюсь становиться ближе ни с тобой, ни с Чабаширой – от этого будут только проблемы.

— Зану-уда.

Оставшись одна у пустой барной стойки, Хошиномия принялась спокойно потягивать свой коктейль.

Часть 2

(от лица Хорикиты)

Тот же день, когда учителя в лаунж-баре предавались пьянке и жалобам, а ученики собирались с друзьями, чтобы оставить последние воспоминания на роскошном лайнере.

Я, Хорикита Сузуне, решила использовать последний оставшийся день каникул для кое-чего совершенно другого.

Перед входом в частный бассейн стояла стойка для персонала и администраторов.

Видимо, когда бассейн открыт, именно здесь происходит предварительная оплата и бронирование. Но частный бассейн пользовался большим спросом среди учеников, поэтому на мой взгляд, почти все часы были забронированы.

Что, разумеется, на руку мне.

— Простите, я подумываю о бронировании частного бассейна, — заговорила я с сотрудником за стойкой регистрации.

Похоже, он уже провел один и тот же разговор с большим количеством учеников многократно,

поэтому заученно начал давать объяснения.

— Пожалуйста, выберите нужный час. Если он занят, вы можете внести себя в список ожидания, — произнес сотрудник и протянул мне папку-планшет.

Однако пришла я сюда не для развлечения в частном бассейне; весь этот путь я проделала лишь затем, чтобы завладеть этой папкой.

— Я позаимствую на время.

Во всех кафе и других заведениях система бронирования подразумевалась при помощи планшетов и терминалов. Но в частный бассейн, где каждая группа резервировала строго свой час, а бронь могла осуществляться на пару дней вперед, вся регистрация происходила на бумаге.

Я притворилась, будто выбираю день и час для брони, а сама тем временем все внимание сосредоточила на почерке.

Частным бассейном за раз могло воспользоваться несколько человек, но их представителю требовалось заполнить форму.

На самом деле я планировала ограничиться недавней игрой «Охота за сокровищами».

В мероприятии приняло участие около половины всех учеников. Процент участия первогодок превысил шестьдесят шесть процентов.

До окончания игры я проверяла имена и почерки всех участников с первого года, но ни один из кандидатов не совпал с образом из воспоминания.

Возможно, кто-то из оставшихся тридцати четырех процентов оставил мне ту бумажку?

И он не принял участие только потому, чтобы не дать сопоставить почерк с именем?

В любом случае именно из-за этого я решила продолжить свои поиски среди оставшихся тридцати четырех процентов первогодок.

Что меня удивило, так это скорость, с которой распространялась бронь частного бассейна. Практически все часы от самого первого и до последнего дня были зарезервированы.

За отмену накануне не брали никакой платы, поэтому неудивительно, если часть учеников заранее придержат за собой время в связи с большой популярностью.

Здесь имелась графа для инициалов представителя, количества учеников, но год обучения записывать было необязательно.

Почерк, который я видела на той бумажке, был по-настоящему красивым.

Я пролистала и проверила все листы, но не смогла его найти.

В принципе, у меня уже было предчувствие, что так просто не будет, и, похоже, все оказалось именно так.

Нечасто появляется возможность проверить имена и почерки учеников. И раз я не смогла ничего найти, настало время кропотливой работы.

Я снова начала проходить по списку и сверять имена с «ОИС».

В листе брони не наберется и сотни имен, но для подтверждения всех потребуется время. Кроме того, можно запросто пропустить учеников с откровенно плохим почерком и другими недостатками, но мне нужно удостовериться, кого я могу наверняка исключить из списка.

Кибаяши-кун из класса 1-В и Мочизуки-сан из 1-D можно исключить. Это-сан... участвовала во вчерашней «Охота за сокровищами». Я проверила ее почерк, поэтому ее тоже можно исключить.

К моему счастью, сотрудник за стойкой регистрации пока не обращал на меня никакого внимания, поэтому я могла спокойно сверять список в одной руке с данными из телефона в другой.

Однако отыскать нужного человека у меня так и не получалось. Вчера для перестраховки я просмотрела классный журнал второгодок и третьегодок, принявших участие в игре «Охота за сокровищами», но ни один из них не оказался нужным мне человеком.

Куда же подевался тот, кто подкинул бумажку?..

Прошло некоторое время, пока я методично дошла и исключила девятого человека.

Сотрудник за стойкой регистрации уже собирался меня в чем-то заподозрить, когда неожиданно кто-то обратился ко мне сзади.

— Послушай, а ты еще долго?

— А-а? А-ах, прости. Мне так сложно выбрать время для развлечений с друзьями.

Я так увлеклась просмотром списка, что не заметила присутствие другого ученика позади себя.

Мне казалось, никто больше не подумает о брони, но снова все пошло наперекосяк...

Неправильно будет заставлять ждать других, ведь на проверку списка уйдет много времени.

Поэтому я решила пропустить парня вперед.

Судя по его виду, он не из старших классов – а значит, первогодка.

— Мне еще нужно какое-то время, чтобы принять решение, поэтому вот, держи.

— Я могу взять? Тогда с твоего разрешения, — ответил парень-первогодка и взял из моих рук папку-планшет.

Парень был высоким – почти как Судо-кун или чуть ниже. Тыкая в свой телефон, я притворилась, будто общаюсь со своими друзьями, а сама тем временем ждала, пока он закончит вписывать себя в список бронирования.

Быть может, свободных часов осталось немного, но парень справился быстрее, чем я предполагала. Он оглянулся на меня после того, как, судя по всему, вписал себя в форму.

— Большое спасибо. Я пойду.

Он вернул мне список, и я сразу проверила имя только что вписавшего себя первогодки.

— ...Так.

Имя представителя: Ишигами Кё;

Количество человек: пять.

Его я еще не видела, поскольку он не принимал участия в «Охоте за сокровищами».

Я проверила «ОИС»: парень оказался из класса 1-А.

Его почерк элегантен, неудивительно, если он много лет занимался каллиграфией.

И в то же время стиль письма был слишком вычурным. Это явно не та пропись, что я видела на необитаемом острове. Тем не менее это самый близкий почерк из всех мною просмотренных. Будь у меня в руках та бумажка, я могла бы свериться, но Амасави-сан разорвала ее в клочья, поэтому не получится. Я не могу сейчас точно сказать, что почерк в той бумажке и Ишигами-куна разнятся.

Чем больше я всматривалась в почерк, тем больше чувствовала разрушение целостного образа*.

[П/П: В оригинале дословно «Распад Гештальта». Если долго что-то рассматривать/слушать, для мозга оно начинает восприниматься неестественно, очень сложно и незакончено. Можно в теории воспроизвести, если повторять вслух одно и то же слово n раз подряд.]

Со вчерашнего дня я только и делала, что рассматривала различные почерки, а это сильно перегружает мозг.

— Прости, ты не можешь уделить мне пару минуток? — окрикнула я Ишигами-куна, тем самым остановив его.

Он с любопытством оглянулся на меня, и я продолжила:

— На самом деле я только что закончила обсуждение со своими друзьями, и похоже, наш выбор часа совпал с твоим, только что вписанным. Поэтому, пожалуйста, не могли бы мы все обсудить?

Независимо от темы, мне нужно убедиться, не он ли тот человек, намекнувший про исключение Аянокоджи-куна.

— Понимаешь, я без этого не могу обойтись. Я уже сообщила своим друзьям, что забронирую именно этот час, — произнесла я, подняв телефон на уровень лица и повернув экран к себе.

Мне удалось остановить его и завести разговор. Быть может, человек передо мной и есть тот, кто написал ту бумажку на необитаемом острове. Вполне возможно, он знает меня – а я вот, напротив, не была уверена, он ли подкинул ее в мою палатку.

— Могу тогда снова взглянуть на список?

— Конечно. Прости.

— Ничего страшного, Хорикита-семпай.

Стоило ему обратиться ко мне по фамилии, как мое сердце застучало быстрее.

— ...Ты знаешь меня. Не помню, что когда-либо общалась с тобой.

— Еще на первом специальном экзамене, который проводился после поступления в школу, я запомнил имена и лица второкурсников с хорошей успеваемостью.

Плюс «ОИС» в том, что через него очень удобно запоминать имена семпай и кохасе.

— У тебя хорошая память. Я и сама, как мне казалось, запомнила большую часть учеников с высокими академическими способностями – но вот тебя почему-то вспомнить не могу, Ишигами-кун.

— Я стараюсь не выделяться.

Пока что наш разговор проходил гладко без каких-либо споров и подозрений в отношении меня. Хотя ни к чему конкретному я пока не пришла, все равно мне казалось, что их почерки разнятся.

Неудобно и дальше задерживать его, поэтому я решила отпустить.

— Могу я тоже кое о чем спросить, Хорикита-семпай? — обратился теперь ко мне Ишигами-кун. — Ты остановила меня, а позже сказала, в какой-то степени попыталась запомнить учеников с высокими академическими способностями, но меня не припоминаешь?

— Ага. Что-то не так?

Я не могла припомнить, чтобы сказала что-то странное...

— Ты правда не припоминаешь?

Ему как будто хотелось получить дополнительное подтверждение.

— Да, не помню.

Я и в самом деле не могла вспомнить ничего про Ишигами-куна.

— Тогда в какой момент ты узнала, что мои академические способности высоки? Если ты

общалась со своим другом по поводу бронирования, мне кажется, потребовалось бы некоторое время, чтобы открыть «ОИС».

Я не смогла сразу ответить на проницательный вопрос, которого совсем не ожидала.

Его имя я могла найти в списке – в этом не было ничего странного, но вся загвоздка в том, что я, как отметил Ишигами-кун, знала про его хорошую успеваемость.

Он мог указать на это раньше, но решил промедлить. Будто намеренно поджидал момента, когда я расслаблюсь после окончания разговора.

— Так уж получилось, у меня на фоне был запущен «ОИС». В графе с временем брони, которое я хотела занять, значилось твое имя, Ишигами-кун, поэтому я в спешке сверила его с твоей фотографией, чтобы убедиться, что это действительно ты.

Немного натянутое оправдание, но и не сказать, что оно абсолютно неправдиво.

Подтвердив новое время с другом через телефон. Ишигами-кун равнодушно изменил свою бронь.

— Понятно. Прошу прощения за свои безосновательные подозрения.

— Все в порядке. Я, наверное, немного удивила тебя, вот у тебя и сложилось обо мне неверное представление.

— Что ж, тогда прошу меня извинить.

— Ах... Ага, Ишигами-кун. Большое спасибо, что пошел навстречу.

— Без проблем, но...

Ему будто хотелось еще что-то добавить, но он колебался.

— Что?

— Ничего. Еще увидимся, Хорикита-семпай.

— Да. Увидимся.

Все пошло не так, как я представляла; Ишигами-кун обернулся ко мне спиной и ушел.

Вряд ли его стоит отнести к «черному», если судить только по почерку, но что-то таинственное в нем все же было.

Пока лучше позиционировать его как «светло-серого».

Неподвижно сжимая список в руке, я проводила его взглядом, пока он окончательно не скрылся из вида.

Теперь, когда я забронировала час, продолжать спокойно просматривать список проблематично. Нужно не забыть потом попросить отменить бронь.

Мне не удалось получить никаких подсказок, поэтому самое время продумать следующие шаги.

— Ты слишком хмурая, Хорикита-са-а-ан, — окликнула меня Хошиномия-сенсей, которую довольно необычно видеть в таком месте.

Рядом находился еще Канзаки-кун, ученик из ее класса. Наши взгляды пересеклись.

— Правда? Мне кажется, я такая же, какая и обычно.

— Да? Ну, может и так.

Больше всего меня тревожило то, что Хошиномия-сенсей опиралась о стену.

— Вам нехорошо?

— А-ах, это. Обо мне можешь не беспокоиться. У меня болезнь, присущая взрослым.

Присущая взрослым? И о какой же она болезни?..

— А вот что меня интересует, кто тот крутой парнишка... Кто-о-о же он? Я, кажется, уже где-то его видела.

Единственный человек, который мог пройти мимо Хошиномии-сенсей недавно – Ишигами-кун.

— Ишигами из 1-А, — опередил меня Канзаки-кун, стоящий рядом с учителем.

— А? Первогодка, да? Ну да, второгодки и третьегодки, конечно же, все знают, это естественно... — произнесла Хошиномия-сенсей и загадочно наклонила голову.

— Что-то не так? Вам о нем что-нибудь известно? — спросила я в надежде получить подсказку.

— Ну-у, кажется, я его как-то в школе еще видела... А может и нет. Прости, Хорикита-сан, но мне что-то совсем поплохело! — произнесла Хошиномия-сенсей и на пошатывающих ногах сорвалась в сторону палубы.

Я последовала за ней из чистого любопытства.

— Ах, угх, кхи-и!

Я до сих пор не совсем понимала, что с ней, но до меня донеслись болезненные крикты. Затем под громкий стон, Хошиномия-сенсей сомкнула рот и, вцепившись в перила, свесилась с палубы.

— Буэ-э-э-э-э!!!

Сверкающую на солнце – хотя сцена все равно выглядела нелицеприятно – рвоту сдуло сильным морским бризом. Немногом позже на палубу подошел Канзаки-кун; он, правда, спокойно наблюдал за этим зрелищем.

И свидетелем чего мы сейчас стали...

— Сенсей... По-моему, это было не очень красиво.

Под этим я подразумевала нормы морали и гигиену.

— Ух, у меня смесь похмелья и морской болезни. Прости меня, Хорикита-са-... Буэ-э-э!

По крайней мере, к счастью для нее, внизу было лишь море...

— Извините, но мне нужно вернуться в свою каюту и поспать... Канзаки-кун, извини, что вот так прерываю на середине разговор.

— Ничего страшного, я свяжусь с вами позже.

— И мне жаль, что ты, Хорикита-сан, увидела такое некрасивое зрелище-е... Уп!

Она попыталась помахать рукой, но тут же зажала ладонями рот и побежала внутрь корабля.

— ...Занятой человек.

— Наверное, с непривычки сбивает с толку?

— Ты уже не раз видел ее такой?

— По утрам в нашем классе – уже трижды.

Вот как... тогда прими мои соболезнования.

Когда Хошиномия-сенсей скрылась из виду, я легким кивком попрощалась с Канзаки-куном и попыталась уйти...

— Хорикита, какое отношение к тебе имеет Ишигами?

...но в тот же момент он задал мне неожиданный вопрос, который остановил меня на месте.

— Что, о чем ты?

Я не совсем поняла смысл его вопроса, поэтому пришлось переспросить.

— Ты общалась с ним.

— Ты вроде как сам знаешь его, раз упомянул его фамилию.

— Во время специального экзамена после перехода на второй год представилась возможность пообщаться со многими первогодками.

Тогда большинство выдающихся первоодок завербовали классы Сакаянаги-сан и Рьюен-куна.

Не удивлюсь, если Канзаки-кун познакомился с Ишигами-куном именно в то время...

Вообще меня слегка поразило, что Канзаки-кун завел со мной разговор, учитывая, что обычно мы редко общаемся.

Я решила не медлить и ухватиться за представившуюся возможность.

— Наши часы бронирования частного бассейна совпали, вот и все.

Я постаралась вкратце объяснить ситуацию, но, похоже, Канзаки-кун остался не убежден.

— Кстати, на твой взгляд, он выглядит как кохай, которому можно довериться?

Я до сих пор не понимала за какими подсказками гнаться, и стоит ли рассматривать его в качестве свидетеля.

Вот почему мне хотелось собрать информацию у как можно большего количества людей.

— Он очень хорош в учебе. В этом можно убедиться по «ОИС».

— Да, академические способности оценены на А.

И в отличие от этого критерия, физические способности были посредственны и имели оценку D-.

— Но прилежность в учебе и доверие – две разные вещи.

— Почему тебе так хочется узнать, стоит ли доверия Ишигами? На мой взгляд, бронирование никак не связано с этим.

Сейчас в самый разгар летних каникул никаких специальных экзаменов не проводилось.

Конечно, нет ничего странного в моем любопытстве.

И все же Канзаки-куна этим, видимо, заинтересовался, поэтому на время стоит оставить вопрос.

— Не бери в голову. Я просто без задней мысли спросила тебя.

Я не могу поделиться с ним информацией о почерке, так что попыталась сменить тему, но Канзаки-кун, не сводя с меня взгляда, продолжил:

— Но что касается вопроса доверия к тому человеку – кое-какой информацией я располагаю.

Канзаки-кун предпочел странную формулировку, но, похоже, он что-то знал об Ишигами-куне.

— Если ответишь на мой вопрос, я не против поделиться с тобой информацией об Ишигами.

Для себя я записала его в «светло-серые» цвета, поэтому не видела необходимости заставлять Канзаки-куна говорить. Но меня зацепило выражение его лица, которое отличалось от обычного спокойного.

— Вопрос? Какой?

— Я уже некоторое время присматриваюсь к классу Хорикиты.

— ... К моему классу?

— Особенно к одному из учеников... Я хочу узнать про истинные способности Аянокоджи.

— Пусть ты и спрашиваешь меня, но я не могу ответить на это. Может, спросишь его самого?

Меня довольно сильно удивило упоминание Аянокоджи-куна, что я отвлеклась от прошлого разговора.

— Вряд ли он честно все расскажет.

— Может быть. Тогда ты не должен доверять и моим словам о нем, верно?

— Для получения сведений этого будет достаточно.

— Мы давно учимся вместе, но я почти ничего о нем не знаю.

— Слишком громкие слова. Если ты называешь себя лидером, который объединил класс, ты обязана в какой-то степени знать настоящие способности своих одноклассников.

— Я все еще не завоевала доверия всех одноклассников. И Аянокоджи-кун входит в их число.

У меня нет той квалификации, благодаря которой я могла с гордостью назвать себя лидером.

По крайней мере я не настолько хороша как Сакаянаги-сан, Ичиносе-сан или Рьюен-кун.

— Я понял, почему ты не можешь ответить честно. Он наверняка ценный актив класса Хорикиты.

— Ну, даже такая осторожность с его стороны может дать тебе представление о его ценности.

Вне зависимости от наличия способностей, я была бы рада, если бы сперва он подумал об этом.

— Может, еще хочешь о чем-нибудь спросить?

— Нет, пока меня волнует только это.

Если на этом и правда все, неудивительно, если он не захочет рассказывать про Ишигами-куна.

Я не могу сама наседать на него с этой темой. Так я думала, когда...

— Ишигами талантлив, сострадателен и способен на многое. Он уже признанный лидер класса 1-А и его одноклассники полностью доверяют ему. Он квинтэссенция лучших качеств Ичиносе и Сакаянаги, так, наверное, проще охарактеризовать его.

— Наверное, он надежный человек для своих товарищей.

— Но только для своих союзников. Если появится какая-то угроза, он их тех типов людей, которые не прочь безжалостно обнажить клыки.

Мой светлый образ о нем контрастировал с информацией, которую я только что получила.

— В таком случае как он относится людям, которые ему не враги, но и не друзья?

— Если ты не враг и не друг – ему будет безразлично.

— Совсем безразлично?

Канзаки-кун, беседующий со мной, застыл на месте.

— ...Ага. Нет смыслашний раз думать о тех, кто не имеет к тебе никакого отношения.

— Он сказал мне: «Еще увидимся». Интересно, способен ли человек, равнодушный к остальным, бросить фразу, предполагающую новую встречу?

— Ишигами? Нет, он не из тех, кто будет разбрасываться такими словами. Он правда так сказал?

— Если я не ослышалась. А тебе о нем, похоже, многое известно.

Я задалась вопросом, имеет ли связь между Канзаки-куном и Ишигами-куном какое-то отношение к тому, что ищу я?

— Не так уж и много. Я никогда не имел с ним дел, — пробормотал про себя Канзаки-кун и тут же продолжил. — Это правда, что он проявляет интерес только к друзьям или врагам. Иначе

говоря, Ишигами уже отнес тебя к тому или иному лагерю, Хорикита.

— Пусть даже ты так говоришь, но мне не до конца все понятно.

Сегодня произошла моя первая встреча с Ишигами-куном. До этого я никогда не пересекалась с ним и уж тем более даже не общалась.

Согласно обычному анализу, я ему не друг и не враг.

— Такое иногда бывает - не знать об уже сформированных отношениях.

— Думаешь, мои поступки косвенно повлияли на него?

— Нельзя исключать такую возможность.

Определенные моменты из разговора с Канзаки-куном находились за гранью моего понимания. Некоторое время он предавался раздумьям, а после тихо пробормотал:

— Могу дать только один совет. Не связывайся больше с Ишигами.

— Я изначально не собиралась этого делать. Может, существуют еще какие-то первогодки, к которым я должна отнестись с настороженностью?

— Другие первогодки?

На данный момент у меня до сих пор не было в наличии ни одного человека, которого я могла однозначно назвать подозреваемым. Мне нужны подсказки. Если всплывет имя Амасавы-сан или еще кого-то, это может дать вес его словам. Так я думала...

— Ишигами - единственный первогодка, о котором тебе следует беспокоиться, — ответил на прощание Канзаки-кун.

Он отвернулся от меня и зашагал прочь. Навстречу ему попала Ибуки-сан, которая проводила его взглядом, но Канзаки-кун даже не обернулся.

— Ты водишься с Канзаки?

— Нет, а что? Просто сегодня появилась общая тема и мы ее обсудили. Что-то не так?

— Меня бесит, когда ты эту умную рожу корчишь.

Спрашивать всерьез ее – бесполезная затея.

— Так какая у вас общая тема была?

— Первогодка Ишигами-кун. Просто он тот ученик, чей почерк немного походил на тот, который я ищу, — ответила я и открыла уже ранее загруженный профиль «ОИС» Ишигами-куна.

Класс 1-А – Ишигами Кё

Академические способности – А (95)

Физические способности – D- (25)

Социальное взаимодействие – B+ (77)

Внесенный вклад – D (31)

Общая оценка – B- (61)

— Вдобавок, мне стало жутко от того, как он говорил и вел себя – будто знал меня.

— Хм? Он вызвал у тебя подозрения?

— Не знаю. Сначала я записала его в «светло-серые», но... Если его оценка за физические способности ложна – это определенно вызывает подозрения.

Тем не менее подтвердить это сейчас у меня возможности не было.

— Твой Ишигами никак не замешан, — вмешалась Ибуки-сан, будто отрицая мои умозаключения.

— Откуда такие выводы?

— Позавчера я вышла на этаж с видом на бассейн и, так уж получилось, наблюдала за игрой

парней.

— Одна вышла? Одиноко, наверное, тебе было.

— А? Мне замолчать?

— Я шучу, продолжай.

— Бесишь... Так вот, тот парень попался мне на глаза из-за своего роста. Но его тело было обычным и снизу, и сверху, – не похоже, чтобы он тренировался. Кажется, ты ищешь человека достаточно сильного, как Амасавы или Аянокоджи?

— Неужели ты решила пойти к бассейну... чтобы подыскать подкаченных людей?

«Только сейчас догадалась?» – читалось в ее жесте плечами. Затем Ибуки-сан продолжила:

— Сила и тело всегда пропорциональны. Если ты быстро двигаешься, то твоё тело подтянутое. А если обладаешь силой, должны прослеживаться мышцы.

Пускай ее выводы могли показаться дилетантскими, однако Ибуки-сан – мастер боевых искусств.

Ей удалось увидеть обнаженные торсы Ишигами-куна, и ее наблюдения звучали правдоподобно.

— Тебе не следует заострять на нем внимание.

Если информация Ибуки-сан достоверна, то оценка «D-» Ишигами-куна за физические способности настоящая.

Само собой подозреваемый необязательно должен быть сильным человеком, как я предполагала изначально...

Но, наверное, теперь Ишигами-куна точно можно записать как полностью невиновного.

— В любом случае каникулы, считай, кончились. Придется прождать начала второго семестра.

— И сколько еще времени это займет?

Я не могла скрыть своего разочарования, но прямо сейчас у меня не было ничего на руках.

Придется еще какое-то время позаниматься этим вопросом.

Часть 3

(от лица Амасавы)

Пока многие ученики направлялись к объектам развлечений на борту судна, Амасаву Ичика из класса 1-А шла в каюту, где ее ожидал человек.

— «Какие оправдания у тебя заготовлены на случай, если сосед по каюте решит вернуться?» – спросила бы я у тебя, да вот наверняка ты все рассчитал так, что в ближайшее время он не вернется, не так ли?

Ученик лишь слабо улыбнулся и не стал отвечать ни на один из вопросов Амасавы.

— Ты понимаешь, что вообще происходит? Нанасе-чан, Хорикита-семпай и Рьюен-семпай рыщут тебя как не в себя. Ты все хочешь оставить на самотек?

— Все хорошо. План продвигается как нужно.

— Тогда поделись подробностями плана со мной... Такуя.

Ягами Такуя из класса 1-В, с которым разговаривала Амасаву, спокойно поднялся с кровати.

— Ты ничему не учишься, Ичика.

Амасаву настороженно, не смея даже моргнуть, наблюдала за приближающимся Ягами. Потому что иначе, допусти она лишь мимолетную оплошность, может пропустить атаку.

— Я не собираюсь распускать здесь руки.

— Хотелось бы верить.

— Точно, ты же больше не союзник Белой комнаты. И теперь мой враг, — произнес Ягами. Он вытянул правую руку и нежно коснулся челки Амасавы. — Я пытался так думать, но... даже после всего я не могу признать в тебе врага.

— Ой-ой, и что же такое ты говоришь?

— Шучу. Теперь ты обыкновенный человек и не можешь поступать необдуманно.

— Возможно, прямо сейчас я записываю наш разговор.

— Можешь делать потом с записью все, что только душе угодно.

Ягами как бы говорил, что запись разговора никак ему не навредит.

Ведь если бы Амасавы целиком заняла сторону Аянокоджи, она уже могла бы рассказать ему все о Ягами.

И хотя трудно в это поверить, но уже этого достаточно, чтобы заставить Ягами напрячься.

— Я позвал тебя сюда, потому что хотел прояснить твои истинные намерения. Ты не вмешивалась в мои планы потому, что хотела защитить Аянокоджи-семпая?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, ня-я.

На попытку Амасавы подурочиться, Ягами ухмыльнулся и убрал пальцы с кончиков ее волос.

— Слишком много всего случилось, чтобы ссылаться на что-то конкретное, но я остановлюсь на одном моменте, где я был вынужден сменить план. Зачем ты вмешалась в действия Кушиды и Курачи, которых я послал к Аянокоджи во время экзамена?

— Ты и без меня должен все понимать, разве нет? Потому что это неприятная стратегия против Аянокоджи-семпая. Я не хотела, чтобы сцену драки с Нанасе-чан и Курачи-куном, которые не имели к семпаю никакого отношения, засняли на видео. Разумеется, семпаю расправиться с ними не стоило больших усилий, но то видео могло стать источником проблем.

— Тут ты права. Он запросто расправился бы что с Нанасе, что с Курачи. Но то видео со сценой драки могло стать ценным материалом в переговорах. Аянокоджи мог попытаться силой вырвать планшет у Кушиды – однако ему в любом случае не удалось бы разблокировать его без пароля, а физическое повреждение устройства доставит лишь дополнительные неприятности.

Но Амасавы предвидела развязку и сорвала план.

— Ты злишься?

— Ни в коем случае. Я верю, что это добавит интереса в представление. Тем более мне удалось прояснить черты его характера и ход мыслей. В момент, когда на него готовилось нападение, он не воспользовался поиском по GPS, хотя мог. Он понял, что это только отвлечет его. Но как показывает практика, обыкновенные ученики наподобие Нанасе поспешили сразу воспользоваться поиском по GPS и напасть на след Курачи и Кушиды.

После возвращения на борт в поведении Аянокоджи не произошло никаких изменений.

— В результате Нанасе-чан и Рьюен-семпай ступили на тропу дремучего леса. Даже если они выйдут в будущем на Утомию-куна и вступят в контакт с ним для допроса, это ничего не даст. Но что насчет Хорикиты-семпай? Похоже, она пытается опознать почерк и получить подсказку из той бумажки, которую написал ты, Такуя. Признай, неплохо она придумала сверить почерк с теми, кто подписал журнал при участии в игре «Охота за сокровищами».

— Если я дам ей еще пару подсказок, она обязательно на меня выйдет.

В голосе Ягами не прослеживалось нетерпения; он, скорее, ждал нужного момента.

— Хочешь сказать, что та твоя «бумажка» была закинута намеренно?

— Разумеется, это моя инсценировка. Я хочу, чтобы она постаралась изо всех сил и добилась своего.

И для этого у Ягами имелось в наличии множество подсказок на будущее.

Амасаве даже не требовалось спрашивать его для подтверждения, она и так все понимала.

— Но какой смысл? Если она сопоставит тот почерк с твоим, Такуя, информация об этом обязательно дойдет до Аянокоджи-семпая.

И тогда он неизбежно заподозрит в Ягами потенциального ученика из Белой комнаты.

— Он изначально не доверял мне и, полагаю, распознал ложь, которую я распространял. Мне пришлось действовать окольными путями, потому что на пути стоял Цукиширо. Но теперь его нет и больше делать этого не нужно. Нет смысла заранее готовить выгодные ситуации ради победы над Аянокоджи.

— В смысле тебе все равно, если он тебя раскроет?

— Что-то в этом роде. Если подумать, я готов даже сам выйти из тени.

Ягами изначально планировал встретиться с Аянокоджи лицом к лицу. Но любой неосторожный поступок во время подготовки грозил вмешательством со стороны Цукиширо.

Следуя задумке Цукиширо, он придумывал различные планы, но лишь затем, чтобы выиграть время.

— Но экзамен на острове закончен, а значит, у тебя мало шансов вступить в контакт с второгодками, так ведь? Наверное, будет лучше тебе вернуться в Белую комнату – и как можно скорее-е-е-е.

Для Амасавы, которая не планировала возвращаться, исключение было только на руку.

Но Ягами мог вернуться лишь в одно место – в Белую комнату.

— Я обязан безоговорочно и полностью сокрушить его. Уж в учебе-то я всегда могу наверстать материал.

Его ухмылка, с неуклюже обнаженными зубами, совсем не походила на обычную доброжелательную улыбку.

— Знаешь, Такуя, в том смысле ты еще сильнее одержим, чем я, — проговорила Амасава, слегка напряженная. — Как же мне жалко Утомию-куна. Он просто заботится о друзьях, но только подумать, ради защиты Цубаки-чан объединиться с тобой, Такуя. Ой как он разозлится, если узнает, что за исключением в классе С стоишь именно ты.

— Я с самого начала считал его неуклюжим учеником, который всеми правдами и неправдами будет оберегать своих товарищей, и что даже при появлении угрозы в виде исключения одного одноклассника он попытается помешать этому. Объединив усилия с другим классом, я смог создать общего врага в лице Хосена, с которым у меня никогда не вышло бы сотрудничать. Я сблизился с Цубаки и Утомией, поучаствовал в создании плана, который не мог увенчаться успехом, и подтвердил намерения Аянокоджи. Оставаясь в тени, я узнал, что он связан с лидером класса 2-А, Сакаянаги.

— О-о-о, она приходила ко мне. Я про Арису-семпай.

— Вполне возможно в будущем она снова попытается вмешаться в борьбу между мной и Аянокоджи, поэтому мне следует подумать, как лучше с ней расправиться.

— Да-да. Можешь делать все, что только захочешь, — скучающе зевнула Амасава, устав от непрекращающегося монолога Ягами.

Когда тот в отличном расположении духа, он может вечно вести монолог с собой. Он не остановится, даже если оставить его наедине.

Он наслаждается текущей ситуацией больше, чем кто-либо другой, несмотря на риск раскрытия своей истинной сущности.

— Ну как, остался довольным нашим разговором? Могу я тогда уже вернуться к себе?

— Понимаешь, я связался с тобой, Ичика, чтобы прояснить твои истинные намерения.

— Хм-м? Намерения?

Ягами с детской улыбкой на лице в то же мгновение вцепился в оба предплечья Амасавы.

— А?!

Амасавы с самого начала была настороже и готова уклониться в случае чего, поэтому не была совсем уж застигнута врасплох, но она просто не успела отреагировать.

— Утомля или я. Уже совсем скоро все узнают. И вот тут-то все и начнется.

— ...Ты хочешь навязать серьезную игру, которая по душе тебе, Такуя?

— Мы признаем друг друга врагами, а после начнем соперничать с нашими истинными способностями.

— Почему не хочешь пойти, и не решить все кулаками как мужчина? С такими боевыми способностями ты спокойно можешь выступить против Аянокоджи, Такуя.

— Я не собираюсь применять насилие, кроме минимально необходимого.

— Вот так нагло заявляешь?

Он удерживал Амасаву с такой силой, что становилось очевидно – она ему не ровня. У нее не выйдет высвободиться, даже если она попытается придумать другой способ.

— Ты правда не понимаешь, что уже сейчас превысил минимально необходимое насилие? — ухмыльнулась в ответ Амасавы, но сама тем временем снова и снова проматывала в голове то, что ее ждало.

Но сколько бы она не продумывала ситуацию, ей не удавалось найти способ изменить ее.

— Знаешь, я позвал тебя сегодня на эту встречу с мыслями по-настоящему вывести тебя из игры. Ты многое знаешь обо мне, Ичика, и потому, сколько бы я не старался, ты раз за разом будешь препятствием. Я прав?

— А-ха-ха, а вот это уже не смешно.

Лицо Ягами приближалось, и Амасави мысленно начала готовиться...

...как давление на предплечья исчезло, и она была освобождена.

— Что?

Ягами, как обычно, мягко рассмеялся и положил руку на дверь за спиной Амасави.

— Такая себе шутка, ня-я.

— Прости, прости. Я вообще-то действительно собирался тебя тут сломать – но одумался.

— Ого, правда? — отреагировала Амасави и отступила назад.

— Я уже слышал, как Шиба преподавал тебе урок. Ты верно поступила, когда решила не сопротивляться.

— Если попытаться хоть раз дать сдачи, тебе это вернется с удвоенной силой. Этому я научилась еще с ранних лет. А ты точно уверен, что хочешь оставить меня в покое?

— Я ведь знаю, ты будешь помалкивать, Ичика. Если бы ты решила окончательно перейти на сторону Аянокодзи, я уже давно бы принял меры.

— Сложновато делать выбор между страстным желанием к семпаю и дружбой со сверстниками.

— Можешь не переживать. В этом состязании я обязан одолеть Аянокодзи. Но я не собираюсь применять никакого насилия. Тут что-то одно из двух: либо исключают меня, либо школу покидает он.

С этими словами Ягами по-джентельменски открыл дверь своей каюты и позволил Амасави уйти.

Часть 4

(от лица Аянокодзи)

Концертный зал, около двух часов ночи.

Я тихо открыл тяжелую дверь.

В огромном зале находился только один человек, который сидел в кресле спиной ко мне.

Вокруг было так тихо, что по пути к нему мои шаги по ковру отдавались эхом.

— В такое время ученикам запрещено покидать свои каюты.

— Не надо говорить об этом. И в другое время дня у нас нет возможности остаться наедине.

— Если нас кто-нибудь найдет, ты ведь возьмешь ответственность на себя, Чабашира-сенсей?

Чабашира даже не пыталась повернуться ко мне.

— Не волнуйся, ночные патрули учителей длятся до полуночи.

— Хорошо, если так. Тогда по какой причине ты решила связаться со мной?

— После окончания летних каникул начнется второй семестр. Грядет следующий экзамен.

— Наверное. В прошлом году это был спортивный фестиваль.

— Да, но в этом году будет по-другому. До него вас ждет еще один специальный экзамен.

— Это нормально? Разглашать мне информацию?

По правилам школы учителям не разрешалось делиться выгодной информацией с конкретным учеником или классом.

— Или специальный экзамен уже начался?

— Нет... Пока нет.

Получается, Чабашира решила пригласить меня сюда и поделиться информацией по собственному желанию? Странная история, обычно я считал ее тем классным руководителем, который не особо старался поддерживать класс.

Я не понимал ход ее мыслей, но Чабашира вдруг замолкла.

Стоять рядом с ней не было смысла, поэтому я направился к сцене.

В дневное время в этом концертном зале можно было насладиться прослушиванием живой музыки.

Огромный, первоклассный рояль стоял на своем месте.

Возможно, какое-то представление уже проходило сегодня в этом зале, поэтому на рояле не было ни пылинки.

— Временно исполняющий обязанности директора Цукиширо поставил на кон собственную карьеру, чтобы избавиться от тебя на необитаемом острове. Я понимаю, что твой отец большая шишка, но его упорство за гранью нормальности.

— Что есть, то есть. Но я все же поправлю в одном – Цукиширо с самого начала не волновал пост временно исполняющего обязанности директора. Он просто воспользовался положением, чтобы убрать меня.

— Могущественная сила в действии, да?

Чабашира скрестила руки на груди, не в силах полностью все понять.

— Итак, готова со мной говорить?

— ...Да. — Чабашира, после небольшой паузы, перевела дыхание и продолжила:

— Как ты оцениваешь свой класс?

— В каком смысле?

— Как ты думаешь, у тебя хватит сил на то, чтобы подняться до класса А?

— Ты спрашиваешь об этом ученика своего класса?

— Я хочу узнать именно твое мнение.

Странно слышать такое.

Должно быть, сейчас у Чабаширы что-то на уме.

— Хорошо, отвечу. Среди второгодок возможно у нас самый высокий потенциал, но это не означает, что можно оставить все как есть и подняться до класса А. Классом А сейчас

руководит Сакаянаги, поэтому их будет очень сложно нагнать.

Учитель лучше всех должна знать об устройстве школы.

— Наш класс должен быть единым – это минимальное требование. И под единством я подразумеваю и тебя, Чабашира-сенсей.

Стоило мне произнести эти слова, как Чабашира удивленно взглянула на меня. Ее выражение лица давало понять, что она прекрасно меня поняла.

— Я... Каким учителем я кажусь в твоих глазах?

До сих пор Чабашира относилась к своим ученикам холодно. Изо дня в день она демонстрировала отношение, будто те совсем ее не волновали.

— На учителя, который не верит в победу, но на самом деле по сей день не отказался от надежды. Если быть кратким, то как-то так.

— Сурово.

— Но это никак не меняет факта, что ты использовала меня и оставшееся после этого впечатление.

— Верно, конечно.

Если Чабашира искренне не исправит ошибку, ей не измениться.

— Ты не поддерживаешь своих учеников, потому что боишься обмануться ложной надеждой на подъем до класса А. Тебе стоит больше прилагать усилий ради учеников, которые желают подняться выше.

— Аянокоджи...

— Тогда ответ придет естественным путем. Я так думаю.

— ...Ты сказал, что класс должен быть единым.

— Да.

— Это, разумеется, относится и к тебе.

— Конечно.

Наши глаза пересеклись и Чабашира тяжело вздохнула.

— Как ты отнесешься к моим словам о том, что я оставлю свое прошлое позади?..

Ее глаза как бы вопрошали о готовности.

Надо полагать, что любая ложь будет видна насквозь.

— Раз ты говоришь, что готова оставить свое прошлое позади, то и я на этот раз избавлюсь от прежнего образа мышлений. Если ты так серьезно нацелена на класс А, то я тоже не пожалею усилий.

— ...Вот как.

Что изменится, а что останется прежним после слов Чабашеры. Этот ответ мне еще только предстоит узнать...

— Когда ты научишься смотреть вперед, я почти уверен, класс сразу претерпит изменения.

— ...Ну да.

Чабашира перевела взгляд на высокий потолок и прикрыла оба глаза.

Несомненно, это бросало глубокую тень на ее сердце.

Мне следовало просто уйти – но по какой-то неведомой причине я чувствовал, что стоит поступить по-другому.

Репутация Чабашеры как классного руководителя оставалась низкой. Но если взглянуть на нее как на личность, то я начал замечать небольшие изменения в своем мнении о ней.

Она оказалась более хрупкой, чем я ожидал, и выглядела взрослой только снаружи.

С этими мыслями я опустил на стул и открыл крышку клавиш.

— ...Что ты делаешь? Ты умеешь играть на рояле?

Не отвечая ни на один из вопросов, я провел кончиками пальцев по клавишам и начал играть мелодию.

Когда я закончил свое исполнение, Чабашира поаплодировала мне, что не было на нее похоже.

— Я не знаток музыки, но это блестяще. Мне никогда не сыграть на таком уровне, даже если на уроки я потрачу всю жизнь. Насколько мне известно, это...

Неожиданно в тихом концертном зале откуда-то позади раздался легкий щелчок.

Чабашира поспешно вскочила и обернулась.

Из темноты появился улыбающийся Цукиширо.

— Бетховен, «К Элизе», верно? Даже несмотря на относительную простоту, потребуются превосходные умения, чтобы так отыграть эту пьесу. Как жаль, что свидетелем такого исполнения стали только мы с Чабаширой-сенсей. Однако ученикам запрещено покидать каюты в позднее время без веской причины. Ты ведь понимаешь, что за нарушением следует наказание?

— Временно исполняющий обязанности директора Цукиширо, это... — попыталась торопливо оправдаться Чабашира, но Цукиширо мягко остановил ее.

— Не нужно переживать. С этого дня я освобожден с должности временно исполняющего обязанности директора. Директора Сакаянаги решили восстановить в должности, поэтому теперь я обыкновенный человек. Я не стану ничего докладывать школе.

— ...Вы говорите довериться вам?

— О доверии я не прошу. Но с моего прихода сюда Аянокоджи-кун уже знал о моем присутствии. Когда в эмоциях проявляется беспорядок, это отражается и на игре. Но я не заметил ни единого недочета в выступлении... Почему же?

— Все просто. Даже если за нарушение правил я подвергнусь наказанию, из школы меня не исключат. Между тобой и мной была только одна борьба – либо я покидаю школу, либо нет. Нет смысла реагировать на наказание за то, что я вышел из каюты в неположенное время.

— Пусть так, но нормально запаниковать, когда тебя видят там, где ты не хочешь. Это и есть то самое мужество твоего отца?

— К сожалению, я не помню, чтобы его во мне воспитывали.

С этими словами я опустил крышку и отошел от рояля.

— Поговорить утром с тобой у меня больше не выйдет. Поэтому я подумал, что должен по крайней мере попробовать сделать это в последний раз.

На борту лайнера множество камер наблюдения.

Я задался вопросом: «Отслеживал ли он записи с камер в коридоре, выходящем к моей каюте?». Если так, у него, должно быть, много свободного времени.

— Если хотите, чтобы я ушла – только скажите.

— Нет, можешь спокойно остаться. Аянокоджи-куну становится неудобно, когда он остается наедине со мной. Вам лучше остаться здесь и оберегать своего ученика.

Цукиширо подошел к нам и опустился на кресло через два места от Чабашеры.

— Концерт уже окончен?

— Если есть что сказать, пожалуйста, побыстрее.

Я понял, что Цукиширо пошутил, и потому попросил его поскорее перейти к сути.

— Раз я пришел сюда ради последних переговоров, почему бы не попытаться. Ты не хочешь сообщить о своем уходе из школы и вернуться, куда следует?

— Цукиширо... сан. Что вы задумали? — с легким гневом спросила Чабашера, услышав про «уход».

— А что не так?

— Вы вмешались в экзамен и попытались выдворить Аянокоджи из школы. Это само по себе непростительно.

— Это и вас касается, Чабашера-сенсей. Разве только что вы не пытались остаться с ним наедине, да рассказать все о следующем специальном экзамене?

Всех подробностей Цукиширо знать не должен был, но, видимо, он насквозь разглядел замысел

Чабашеры.

— Разумеется, этот поступок не красит меня. Но я не собиралась рассказывать детали экзамена ради преимуществ.

— Может быть, но доказать это не выйдет. А факт на лицо, я случайно оказался здесь и предотвратил несправедливость до того, как она произошла.

— Это...

— Кроме того, это не единственный проступок. Понимаете, куда я клоню?

Чабашера позвала ученика во время комендантского часа; даже если их отношения ограничиваются связью «учитель-ученик», они все еще представители разных полов – упускать этого не стоит.

Именно на это Цукиширо продолжал безжалостно напирать.

— Чабашера-сенсей, не мне следует волноваться за вызванный переполох, а вам. И Аянокодзи-куну тоже.

Если станет известно о непристойном поведении учителя, одним замечанием все не ограничится.

Цукиширо ясно дал понять, чтобы та не вмешивалась в разговор, если осознает все последствия.

— Тц...

Чабашера, позабывшая о важной части, сразу поняла, в каком положении оказалась, и отступила назад.

— Замечательно.

Цукиширо, не переставая улыбаться, сблизился со мной. Расстояние между нами сократилось примерно до двух метров.

— Не беспокойся, я не собираюсь нападать на тебя здесь.

— Вне зависимости от ситуации, ты начинаешь действовать тогда, когда это становится выгодным. Такие выводы я сделал после анализа.

— И ты что, правда в какой-то степени купился на это?

До настоящего времени мне удавалось отбиться от уловок Цукиширо.

Но, наверное, у меня получалось лишь потому, что он следовал пути, который нельзя было не назвать вопиющим.

Фальсификация экзаменов, насилие, похищение и прочее.

Если он изначально планировал поступать более мягко, то смог бы позаботиться обо всем раньше.

— Я не собираюсь покидать школу.

— Это прискорбно, но ничего не поделать. Значит, собираешься остаться в школе до самого выпуска?

— Таков план - если, конечно, меня не исключат раньше в соответствии со школьными правилами.

— Как бы ты сильно не хотел остаться в этом мире, твое сопротивление тщетно.

Мы просто вели беседу, но даже без употребления значащих слов и фраз тень Белой комнаты мелькала вблизи нас.

— Ты умен. И силен. Ты превосходен - с этим согласятся все, кто узнает, на что ты по-настоящему способен. — В конце концов Цукиширо встал прямо передо мной. — Но как бы хорош ты ни был, ты все еще ребенок. Ты должен понимать, что он послал меня, полностью осознавая твою силу.

Другими словами, тот человек также предвидел, что я одержу верх над Цукиширо?..

— Поэтому, если хочешь остаться в школе хотя бы на один день дольше - советую прежде как следует подумать.

— Я приму к сведению.

На мои слова Цукиширо слегка улыбнулся и рассмеялся над своими мыслями.

— Но школа на мое удивление оказалась интересной. Наверное, она единственная в мире, где разрешено проводить специальные экзамены на необитаемом острове. Все это напомнило мне

детство, когда я страстно увлекался бойскаутами, — произнес Цукиширо и протянул мне левую руку. — Теперь я прощаюсь с тобой, Аянокоджи-кун. Не мог бы ты пожать мою руку?

Вытянутая левая рука не казалась обычновенным прощальным жестом.

Когда я точно так же протянул левую руку и пожал в ответ, Цукиширо кивнул, как будто остался полностью удовлетворен.

— В таком случае... рано или поздно мы встретимся «снова».

Наконец, в последний раз хлопнув правой рукой по моему левому плечу, Цукиширо развернулся на своих каблуках.

— Ах, да, я попрошу вас разойтись в течение пяти минут. Если этого не сделаете, мне придется сообщить о вас.

Мы с Чабаширой проводили его спину взглядами до тех пор, пока он не скрылся из виду.

— Меня не особенно волнуют детали, но поверить не могу, он попросил о рукопожатии левой рукой. Неужели это знак того, что он останется враждебным к тебе до самого конца?

Как правило, рукопожатие делается правой рукой.

В наше время людей не особенно волновал данный жест, поэтому они могли не знать о его значении.

— Мне так не кажется.

— Почему?

Цукиширо неожиданно поделился своей страстью к бойскаутам. Как правило, рукопожатие левой рукой считалось грубым жестом, но в случае с бойскаутами все иначе.

Смысл в том...

[П/Р: У скаутов рукопожатие идет через левую руку как знак искренности – вроде того, что левая рука ближе к сердцу.]

— Забудем. Нет смысла размышлять, что у него на уме.

Вполне возможно, это действительно нецелесообразно.

— Я вернусь первым.

— Да, хорошо.

Раз Цукиширо нашел нас, игнорировать его предупреждение будет риском.

— Прости. Я позвала тебя сюда, и дала возможность заявиться временно исполняющему обязанности директора Цукиширо.

— Все в порядке. Я только что осознал кое-что новое.

Дойдя до двери, я, не оборачиваясь, решил на прощание сказать пару слов Чабашире:

— Как я упомянул ранее, судьба класса остаться на плаву или потонуть не та вещь, которая совсем не имеет отношения к учителям. Лучше это понять как можно скорее.

Какие бы специальные экзамены не ждали учеников в будущем, им оставалось смиренно двигаться вперед.

И только классный руководитель мог направить их на верный путь.

Продолжение следует...

Работала над переводом (команда RanobeList):

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96877/1599669>